ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕОГРАФИИ

УДК 911.3

**ЛЮДИ И ДЕНЬГИ: ДОХОДЫ, ПОТРЕБЛЕНИЕ И ФИНАНСОВОЕ
ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ
В 2000–2017 гг.**

© 2019 г. Н. В. Зубаревич^{1, 2, *}, С. Г. Сафронов^{1, **}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет,
Москва, Россия

²Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”,
Институт социальной политики, Москва, Россия

*e-mail: nzubarevich@gmail.com

**e-mail: saffff@mail.ru

Поступила в редакцию 24.03.2019 г., после доработки 23.04.2019 г., принята в печать 30.05.2019 г.

Макроэкономическая динамика влияет на доходы населения регионов и уровень бедности: позитивные сдвиги в распределении регионов по этим показателям затормозились в 2010-х годах, а в период кризиса 2014–2017 гг. наметился негативный тренд, более заметный в уровне бедности. Динамика доходов сильнее влияет на структуру потребления и слабее – на финансовое поведение населения. Доля расходов на питание сокращалась во всех регионах вплоть до кризиса 2014 г., она минимальна в наиболее развитых. Структурный сдвиг расходов в пользу товаров длительного спроса, включая жилье, еще далек от завершения в большинстве регионов. Рост доли расходов на услуги во многом вынужденный и обусловлен повышением тарифов ЖКУ, региональные различия невелики, за исключением регионов Крайнего Севера. Расходы на воспроизводство человеческого капитала низки и слабо различаются по регионам. Население “богатых” регионов предпочитает тратить деньги на отдых и развлечения, но эти траты сжимаются в условиях кризисного спада доходов. Сберегательное поведение наиболее развито в крупнейших федеральных городах. Просроченная задолженность по кредитам выше в слабо развитых республиках с низкими доходами и в ресурсодобывающих регионах, где население стремится поддержать достигнутый уровень потребления за счет кредитов. Базовым фактором сдвигов в структуре потребления и изменения финансового поведения являются доходы населения, но их недостаточно для объяснения региональных различий, необходимо учитывать демографические, расселенческие и институциональные факторы.

Ключевые слова: доходы населения, уровень бедности, структура потребительских расходов, кредиты и сбережения, финансовое поведение населения.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201953-17>

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

Потребительское и финансовое поведение населения обусловлено, прежде всего, уровнем и динамикой денежных доходов. Их тратят на оплату товаров и услуг, делают сбережения и берут кредиты, если денег не хватает. За постсоветский период в России было несколько кризисных спадов экономики и доходов, а также период длительного и быстрого роста в 2000-х годах, что влияло на потребление и финансовое поведение населения. Важно также неравенство по доходу: структура потребления и финансовое поведение бедных и обеспеченных групп сильно различаются. Согласно закону Энгеля, по мере роста доходов потре-

ние смещается от продуктов питания к непродовольственным товарам, а затем к услугам.

Доходы, уровень бедности, структура потребления и финансовое поведение населения за постсоветский период исследованы экономической наукой. В многочисленных публикациях рассмотрены динамика и структура доходов, масштабы и профиль бедности, структурные сдвиги потребления, кредитное и сберегательное поведение населения. Региональный ракурс этих изменений остается на периферии внимания экономистов и слабо изучен в географической науке. Мы плохо представляем, насколько велики региональные различия в широком контексте “люди и деньги”, насколько региональные

тенденции схожи с общероссийскими или отличаются от них. Наименее изучены 2010-е годы, когда реальные денежные доходы населения достигли максимума, а затем произошел длительный спад в период последнего кризиса (на 11% за 2014–2018 гг.).

Первой задачей статьи был анализ изменений уровня доходов и бедности в регионах — как длительных сдвигов, так и особенностей прохождения кризиса 2014–2018 гг. Вторая задача — оценить региональные различия в трансформации структуры потребления за постсоветский период, понять, как менялись доли расходов на продукты питания, услуги, а также приобретение недвижимости. Третья задача — выявить региональные различия в сберегательном и кредитном поведении населения в 2010-е годы, когда кредитная активность граждан резко возросла. Оценка финансового поведения включает и просроченную задолженность по оплате жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) в условиях быстрого роста их тарифов. По этим сюжетам региональных исследований мало или нет совсем.

Четвертая и самая трудная задача — с помощью математических методов оценить влияние возрастной структуры населения регионов, уровня доходов и бедности на структуру расходов и характеристики финансового поведения, а также роль доходных факторов в периоды экономического роста и кризисов. Трудности обусловлены проблемами достоверности региональной статистики доходов и бедности, существенными различиями только “по краям” при схожести большинства регионов; неконсистентностью части измеряемых параметров.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

По сравнению со множеством публикаций по тематике доходов, неравенства и бедности в целом по России, региональных исследований немного. В работе Р. Емцова для Мирового банка по данным обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата за 1994–2000 гг. выявлены разные тренды межрегионального и внутрирегионального неравенства доходов населения [23]. Распределение регионов по уровню доходов и бедности рассматривалось Независимым институтом социальной политики по данным за первую половину 2000-х годов [19], затем в мониторингах за 2009–2013 гг., в фокусе внимания были изменения в кризис 2009 г. [4] и на стадии выхода из него. Динамика доходов населения регионов в период последнего кризиса (2015–2018 гг.) рассматривалась в мониторингах Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС [6].

Уровень бедности в регионах, факторы и масштабы региональных различий исследованы в публикации Бюро МОТ в Москве [17]. В рамках этого же проекта была разработана типология регионов по уровню бедности на начало 2000-х годов [3]. Наиболее детально региональные проблемы бедности исследованы в работе [20], автор рассмотрел связи показателей социально-экономического развития и уровня бедности в регионах и показал, что изменения уровня бедности сложно и нелинейно соотносятся с изменениями трех базовых компонентов: среднего дохода, неравенства по доходу и черты бедности. В последние годы фокус исследований сместился к измерению уровня бедности по новым критериям — депривации, относительной и многомерной бедности, но они не включают региональный разрез, в лучшем случае изменения рассматриваются на уровне федеральных округов [13].

Структурные сдвиги в потреблении россиян с 2000-х годов и до начала последнего кризиса 2014–2018 гг. концептуально описаны как трансформация потребления от модели выживания к модели развития, сопровождавшаяся снижением доли расходов на питание и роста доли расходов на развитие человеческого капитала [16]. Помимо важнейшего фактора — дохода и его изменений в периоды экономического роста и кризисов, на трансформацию потребления влияет также масштаб неравенства по доходу [15]. При сильном неравенстве доходов велики структурные различия потребления для высоко- и низкодходных групп населения: по данным обследования бюджетов домашних хозяйств за 2014 г., 10% самых бедных российских семей тратили на покупку продуктов питания 46% доходов, а 10% самых богатых — менее 19%. Еще один фактор — уровень урбанизации: структура потребления в крупных городах трансформируется быстрее, в потреблении сельского населения выше доля натуральной продукции личных подсобных хозяйств (ЛПХ), хотя она сокращается.

Региональные различия структуры потребления рассматривались в работах Института социально-экономических проблем народонаселения по данным за 2000-е годы. Показано влияние территориальной дифференциации доходов на структуру потребления: в регионах с относительно высокими доходами доля расходов на питание ниже, чем в среднем по стране, в годы экономического роста она существенно снизилась в большинстве регионов, а в кризис 2008 г. вновь стала расти [18]. По данным за 2009 г. рассмотрена региональная дифференциация структуры потребления [10], но без учета ее изменений в предшествующие годы.

В мониторинге НИУ ВШЭ проведен региональный анализ по данным за 2013 г. [15], и показана опережающая трансформация потребления населения городских территорий с высокими доходами и отставание слаборазвитых республик, а также более сильная зависимость от натуральных поступлений из ЛПХ в низкодоходных регионах. Однако доходы населения рассматривались в номинальном выражении, для объяснения неадекватного сочетания высоких доходов с повышенной долей расходов на питание в структуре потребления авторы выделили тип “удаленные северные регионы с неразвитым ЛПХ”, хотя причина не в географическом положении, а в невысокой покупательной способности доходов населения северных регионов из-за повышенной стоимости жизни.

Изменения доли расходов на питание в структуре потребления населения регионов и роль основных факторов — уровня доходов, урбанизированности и неравенства по доходу — рассмотрены в работе [5]. В других географических работах потребление продовольствия в регионах изучалось более узко, по натуральным показателям [9].

Финансовое поведение населения исследуется в целом по России с учетом доходных, гендерных и иных факторов, влияющих на кредитную активность и сберегательное поведение [7, 8, 11, 12]. С 2015 г. мониторинговые исследования финансового поведения и кредитной активности населения проводит Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС [22]. Региональный анализ объема выданных населению кредитов, долговой нагрузки, доли просроченных кредитов и платежей за ЖКУ выявил значительные различия по федеральным округам и проблемы просроченных кредитов и неплатежей за ЖКУ на Северном Кавказе [21]. Авторы мониторинга считают, что кредитную активность населения регионов трудно объяснить географическими факторами [1]. С этим суждением можно поспорить.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе использованы региональные данные из двух источников. Первый — данные Росстата об уровне денежных доходов, бедности и прожиточном минимуме за 2000–2017 гг., структуре потребительских расходов за 1998–2017 гг., использованию денежных доходов на приобретение недвижимости относительно объема денежных доходов населения за 2000–2017 гг., а также данные Единой межведомственной статистической системы (ЕМИСС) по начисленным и оплаченным счетам за жилищно-коммунальные услуги

в 2006–2018 гг. Второй — региональные данные Центробанка о кредитах и вкладах населения с 2010 по 2018 г.

Анализ показателей проводился с использованием группировок регионов с разными значениями на несколько дат, парных корреляций. На основе результатов множественного регрессионного анализа проведена оценка степени влияния демографических и социально-экономических факторов на разные аспекты поведения населения в потребительской и финансовой сфере в течение 2000-х годов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Доходы населения и уровень бедности

На региональную динамику доходов сильнее всего влияют макроэкономические факторы. Максимальный рост доходов пришелся на десятилетие экономического подъема. С 2008 по 2017 г. распределение регионов по уровню доходов, скорректированных на прожиточный минимум, изменялось незначительно, а кризисный спад в 2014–2018 гг. привел к небольшому сдвигу в худшую сторону (рис. 1а).

Снижение уровня бедности также было более значительным в период экономического роста (с 29% в 2000 г. до 13% в 2007 г.), распределение регионов по уровню бедности резко улучшилось (рис. 1б). Минимальный уровень бедности был достигнут в 2013 г. (10.8%). Последний кризис повлиял на уровень бедности не так сильно (13.3% в 2015 г. и 13.2% в 2017 г.), несмотря на спад реальных доходов населения на 11%.¹ Однако региональные изменения были более заметными: к 2017 г. стало больше регионов с уровнем бедности от 20 до 30%, сократилось количество регионов с минимальным показателем.

На уровень бедности в регионах влияют несколько групп факторов. Первая — демографические и расселение. Наиболее уязвимая группа — дети, уровень бедности населения моложе трудоспособного возраста достиг 22% в 2016 г. при среднем по РФ показателе 13%. Домохозяйства с детьми составляют более 60% от численности малоимущих домохозяйств в России [2]. Выше всего доля бедного населения в республиках Северного Кавказа и юга Сибири, не завершивших демографический переход, повышен уровень бедности в восточных регионах с более молодой возрастной

¹ В России бедным считается население с доходами ниже прожиточного минимума, он устанавливается законодательно и рассчитывается для каждого региона. Прожиточный минимум в 2014–2017 гг. рос медленнее, чем индекс потребительских цен, используемый для измерения динамики реальных доходов населения.

Рис. 1. Распределение регионов (без республик Чечня, Крым и г. Севастополь) по: (а) — отношению среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума; (б) — уровню бедности; (в) — доле расходов на питание; (г) — доле оплаты услуг в структуре потребительских расходов.

Источник: расчеты по данным Росстата.

структурой населения. Расселение — также значимый фактор, уровень бедности сельского населения в полтора раза выше, чем городского. Риски бедности, рассчитываемые Росстатом, выше не только для села, но и для городов с населением менее 100 тыс. жителей и, особенно, менее 50 тыс. жителей.

Вторая группа факторов — доходы, неравенство по доходу и стоимость жизни в регионах. В федеральных городах и автономных округах Тюменской области уровень бедности ниже благодаря высоким доходам населения. С середины 2000-х годов к ним прибавились регионы нового нефтегазового освоения (Сахалинская область и Ненецкий АО) и внешние зоны двух

крупнейших агломераций страны (Московская и Ленинградская области), развитие которых ускорилось за счет агломерационных преимуществ. Внутрорегиональное неравенство доходов населения, измеряемое коэффициентом фондов², в среднем по России очень велико — 15.3 раз в 2017 г., и различается от 18 раз в развитых регионах до 8–9 раз в средне- и менее развитых. В 2000-х годах различия были еще

² Коэффициент фондов показывает, во сколько раз средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами превышает средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми низкими доходами.

сильнее — до 35 раз в Москве. Стоимость жизни в регионах также влияет на уровень бедности, он понижен в регионах Черноземья, части Поволжья, юга Урала и юга Западной Сибири с низким прожиточным минимумом.

Главным фактором бедности в регионах остаются доходы населения, скорректированные на прожиточный минимум (табл. 1). Значимы также факторы детской «нагрузки» (доли населения моложе трудоспособного возраста) и уровня урбанизации. Неравенство по доходу влияет на уровень бедности слабее, а фактор стоимости жизни (прожиточного минимума) еще менее значим, за исключением «дешевого» Черноземья и «дорогих» регионов Севера. Роль этих факторов менялась. Влияние доходов, скорректированных на стоимость жизни в регионах, усилилось по сравнению с началом 2000-х, как и влияние детской нагрузки, а также внутрирегионального неравенства по доходу, выросшего в 2000-е годы. Наоборот, влияние фактора урбанизированности ослабело из-за сокращения отставания уровня заработной платы занятых в сельском хозяйстве в 2017 г. по сравнению с началом 2000-х. Снизилось и влияние стоимости жизни в регионах вследствие сокращения различий региональных прожиточных минимумов.

Таким образом, позитивные сдвиги в распределении регионов по уровню доходов и бедности резко затормозились в 2010-х годах, а в кризис 2014–2017 гг. наметился негативный тренд, что должно повлиять на структуру потребления населения.

Структура расходов домохозяйств

Доля расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов сильнее всего зависит от базового фактора — доходов населения [5]. Следствием кризиса 1990-х годов стало более чем двукратное снижение доходов населения и рост доли расходов на продовольствие

в его потребительских расходах с 35% в 1990 г. до 52% в 1995 г. и 54% в 1998–1999 гг. В период экономического подъема эта доля сократилась во всех регионах (рис. 1в) вследствие быстрого роста реальных доходов. Влияние кризиса 2009 г. на структуру потребления было несущественным. Небольшое сокращение доли продовольствия в расходах жителей большинства регионов продолжалось до 2013 г., а в период последнего кризиса начался обратный сдвиг из-за падения реальных доходов населения.

Географические различия доли расходов на питание обусловлены уровнем развития регионов. Только в трех самых развитых регионах с высокими доходами — Москве и автономных округах Тюменской области — показатель устойчиво ниже среднего по стране, но именно в них отмечался более сильный возвратный сдвиг в ходе последнего кризиса. Со значительным опозданием, только к концу периода экономического роста 2000-х к лидерам приблизились Санкт-Петербург, Московская область и два других нефтегазодобывающих региона (Сахалинская область и Ненецкий АО), однако при ухудшении экономической ситуации с 2015 г. они сдвинулись ближе к средним значениям. Показатели относительно развитых регионов и их динамика фактически совпадают со средними по РФ. В регионах Дальнего Востока показатели также ближе к средним из-за повышенного уровня урбанизации. В большинстве среднеразвитых регионов, почти вне зависимости от их географического положения, трансформация запаздывала. Медленной всего снижалась доля расходов на питание в слаборазвитых республиках с низкими доходами населения и повышенным уровнем бедности.

Данные Росстата позволяют оценить региональную дифференциацию использования доходов населения на приобретение недвижимости (рис. 2). Достоверность данных относительно

Таблица 1. Коэффициенты корреляции уровня бедности и влияющих на него показателей

Показатель	Уровень бедности		
	2001 г.	2008 г.	2017 г.
Отношение душевых денежных доходов к прожиточному минимуму в регионе*	–0.67	–0.79	–0.86
Доля населения моложе трудоспособного возраста	0.43	0.32	0.59
Доля городского населения	–0.62	–0.47	–0.54
Коэффициент фондов	–0.35	–0.46	–0.49
Прожиточный минимум*	–0.30	–0.11	–0.14

*Данные за 2002 г. (региональные данные Росстата за 2001 г. были неполными).

Источник: расчеты по данным Росстата.

Рис. 2. Использование денежных доходов на приобретение недвижимости за 2000–2017 гг., в % от общего объема денежных доходов населения.

Источник: данные Росстата.

(возможен недоучет индивидуального жилищного строительства за счет средств населения), но тенденции все же видны. Во-первых, на приобретение жилья влияют макроэкономические тренды: при росте доходов населения структурный сдвиг в сторону приобретения жилья идет быстрее, а в кризисные периоды доля этих расходов сокращается. Во-вторых, в России очень велик отрыв двух столичных агломераций от остальных регионов по доле используемых доходов, идущих на приобретение жилья, он сформировался еще в годы экономического роста. Население Московской области сократило долю этих расходов после 2011 г., но подмосковный жилищный рынок остается крупнейшим в стране по вводу жилья (11–13% от всего объема в РФ) благодаря притоку иных покупателей (москвичей, жителей регионов). В 2010-х к агломерациям федеральных городов добавилась “богатая” Тюменская область с автономными округами, все остальные регионы далеко позади. Таким образом, в самых богатых регионах России структура потребления ориентирована на удовлетворение потребностей в жилье, что замедляет сдвиг в сторону потребления услуг.

Структурный сдвиг в сторону потребления услуг был наиболее явным в период экономического роста 2000-х (с 13,8% в 2000 г. до 25,5% в 2008 г.) и замедлился к 2013 г. (26,3%). Однако

в период последнего кризиса отката назад не было, в 2017 г. доля услуг в потребительских расходах составила 27% (рис. 1г). Это связано с опережающим ростом тарифов на жилищно-коммунальные услуги и стоимости транспортных услуг, которые вынуждено оплачивать почти все население.

Доля оплаты ЖКУ в потребительских расходах домохозяйств достигла 11%, региональные различия невелики (9–13%), за исключением регионов Крайнего Севера (Магаданская область, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО – 15–16%) и отдельных слаборазвитых республик юга (Дагестан, Калмыкия – 7–8%). Долю транспортных услуг оценить сложнее, поскольку с 2005 г. в структуре потребительских расходов в региональном разрезе публикуется только общая доля расходов на транспортные услуги и приобретение транспортных средств³. Она выросла с 12% в 2005 г. до 16% в 2007 г. и почти до 18% в 2013–2014 гг. Снижение до 13–14% отмечалось в периоды кризисов 2009–2010 и 2015–2016 гг. из-за сокращения покупок автомобилей, но доля расходов на транспортные услуги оставалась стабильной (2,3–2,9%). Региональные различия обусловле-

³ Классификатор индивидуального потребления домашних хозяйств по целям (КИПЦ-дх, версия 4).

ны не только уровнем доходов населения, но и разной скоростью трансформации структуры потребления, наличием транспортной инфраструктуры и др. В 2016–2017 гг. максимальную долю расходов на транспорт имели жители Ханты-Мансийского АО и Республики Татарстан (20–22%), минимальную – республик Ингушетия, Дагестан и Чукотского АО (7%).

В потребительских расходах есть виды, отражающие трансформацию структуры потребления от модели выживания к модели развития. Это расходы на человеческий капитал (услуги образования и здравоохранения), на культурные мероприятия и рекреацию, гостиницы и общественное питание. Данные Росстата в региональном разрезе вызывают много вопросов из-за сильных колебаний, но два вывода можно сделать. Во-первых, доля расходов населения России на услуги образования и здравоохранения мала и почти не менялась (4–5% за 2005–2017 гг.). В слаборазвитых регионах она еще ниже (Ингушетия – 0.5%, Дагестан – менее 2% в 2017 г.). Федеральные города и другие богатые регионы не отличаются повышенной

долей расходов на человеческий капитал. Если верить Росстату, в регионах России не сформировался платежеспособный спрос на услуги образования и здравоохранения, население ориентируется на бюджетные услуги государства. Однако исследования С. Шишкина в начале 2000-х показали, что до половины потребляемых услуг здравоохранения россияне вынужденно оплачивали из своего кармана: легально, в виде теневых платежей, покупки отсутствующих в медицинских учреждениях лекарств, препаратов и др. [14].

Во-вторых, доля расходов на услуги рекреации, культуры, гостиниц и общепита также почти не менялась (около 10% в 2005–2017 гг.). Ее региональная дифференциация обусловлена наличием крупнейших городов с более модернизированной структурой потребления. Среди регионов с максимальной долей этих расходов – крупнейшие агломерации и некоторые регионы с городами-миллионниками (рис. 3). Явные аутсайдеры – республики Северного Кавказа, их население медленнее всего модернизирует структуру потребления.

Рис. 3. Распределение регионов по доле услуг и доле расходов на организацию отдыха, культурные мероприятия, гостиницы, кафе и рестораны в потребительских расходах домашних хозяйств в среднем за 2013–2017 гг., %.

(1 – Москва, 2 – Санкт-Петербург, 3 – Амурская область, 4 – Республика Дагестан, 5 – Республика Ингушетия, 6 – Республика Калмыкия, 7 – Республика Карачаево-Черкесия, 8 – Магаданская область, 9 – Московская область, 10 – Нижегородская область, 11 – Оренбургская область, 12 – Ставропольский край, 13 – Республика Татарстан, 14 – Ханты-Мансийский АО, 15 – Республика Чечня, 16 – Чукотский АО, 17 – Ямало-Ненецкий АО).

Источник: расчеты по данным Росстата.

Таким образом, в период экономического роста 2000-х основные структурные сдвиги в потреблении проявлялись в снижении доли расходов на питание во всех регионах и росте расходов на приобретение транспортных средств и недвижимости (прежде всего в агломерациях федеральных городов). Сдвиг в сторону расходов на услуги в основном был вынужденным из-за опережающего роста расходов на ЖКУ. Только в регионах с крупногородским населением и более высоким уровнем доходов сдвиг к услугам сопровождался ростом доли расходов на отдых, развлечения, путешествия, рестораны, однако он оказался неустойчивым и сменился спадом на фоне последнего кризиса. Расходы на человеческий капитал невелики во всех регионах вне зависимости от уровня развития, население богатых регионов предпочитает отдыхать, развлекаться, путешествовать.

Финансовое поведение

За 2010–2018 гг. объем вкладов (в рублях и валюте суммарно на конец года) вырос с 9.8 до 27 трлн руб. География сбережений отличается устойчивой сверхконцентрацией: в 2018 г. на Москву приходилось 35% всей суммы вкладов физических лиц в РФ, на Санкт-Петербург – 8%, в 2010 г. – 37% и 7% соответственно. За 2010–2018 гг. отношение вкладов к годовым доходам населения выросло во всех регионах, сберегать стали более активно. Растет продвинутость сберегательного поведения среднего класса в крупнейших городах, Москва и Санкт-Петербург устойчиво выделяются лучшим отношением объема вкладов к годовому доходу населения (рис. 4). Быстрее росли сбережения населения в ряде других крупногородских регионов (Новосибирская, Самарская области), а также в Калининградской и Ярославской областях.

Рис. 4. Распределение регионов по отношению объема вкладов физических лиц на конец года и задолженности по кредитам к годовому объему доходов населения в 2018 г., % (оценка по данным о доходах населения за октябрь–ноябрь 2018 г.).

(1 – Москва, 2 – Санкт-Петербург, 3 – Республика Адыгея, 4 – Республика Алтай, 5 – Астраханская область, 6 – Республика Бурятия, 7 – Республика Дагестан, 8 – Республика Ингушетия, 9 – Иркутская область, 10 – Республика Кабардино-Балкария, 11 – Калининградская область, 12 – Республика Калмыкия, 13 – Республика Карачаево-Черкесия, 14 – Красноярский край, 15 – Ненецкий АО, 16 – Новосибирская область, 17 – Омская область, 18 – Самарская область, 19 – Республика Северная Осетия, 20 – Республика Тыва, 21 – Тюменская область, 22 – Ханты-Мансийский АО, 23 – Республика Чечня, 24 – Республика Чувашия, 25 – Чукотский АО, 26 – Ямало-Ненецкий АО, 27 – Ярославская область).

Источник: расчеты по данным ЦБ РФ и Росстата.

Из всех нефтегазовых регионов с высокими доходами населения лучшим соотношением вкладов и доходов выделяется только Ханты-Мансийский АО. Большинство регионов слабо дифференцированы по сберегательной активности населения и близки к невысокому медианному уровню, а около четверти (полудепрессивные, с большой долей сельского населения и, особенно, слаборазвитые республики) имеют минимальные сбережения относительно денежных доходов или хранят их “под подушкой”.

Кредитная активность населения росла в 2010-х годах, объем задолженности по кредитам увеличился с 4.1 трлн руб. в 2010 г. до 14.9 трлн руб. в 2018 г. (данные на конец года). Рост был неравномерным: первый пик пришелся на 2014 г. (11.3 трлн руб.), в годы последнего кризиса задолженность по кредитам сокращалась или почти не росла (10.6–10.8 трлн руб. в 2015–2016 гг.), а в последние два года вновь начался бурный рост. Структура кредитов в последние годы изменилась за счет опережающего роста жилищных, их доля в общей задолженности увеличилась с 32% в 2014 г. до 43% в 2018 г.

Закредитованность населения оценивалась по двум индикаторам: а) кредитной нагрузке, которая измерялась как отношение задолженности по кредитам к годовому объему доходов населения, б) доле просроченных кредитов, в том числе потребительских и жилищных. Сравнительный анализ кредитной нагрузки в периоды двух ее пиков 2014 и 2018 гг. показывает, что в 2018 г. она была выше и в целом по России (рост с 23 до 26%), и в подавляющем большинстве регионов из-за сокращения доходов населения. Региональные различия велики, но не связаны с уровнем развития: максимальную кредитную нагрузку относительно доходов имели жители богатых нефтегазодобывающих регионов (Тюменская область, Ханты-Мансийский АО), средних по доходам Новосибирской и Иркутской областей и менее развитых Чувашии, Калмыкии и Тывы (см. рис. 4). В целом Урал, Сибирь и Северо-Запад выделяются более высокой кредитной нагрузкой, Сибирь была явным “лидером” и в предыдущий кредитный бум 2014 г. Вероятно, это обусловлено не только активностью населения, но и политикой банков, облегчавших доступ к кредитам. Велик уровень кредитной нагрузки в Тыве и Калмыкии, где доходы населения низки, а наименее развитые республики Северного Кавказа, где доходы тоже низки, имеют минимальную кредитную нагрузку. Причина в том, что в Чечне, Ингушетии и Дагестане банки неохотно выдают кредиты населению из-за повышенных рисков невозврата.

Банковские аналитики обычно пишут, что риски невелики, долговая нагрузка в России ниже, чем в развитых странах. Это так, но нужно смотреть на просроченную задолженность. По всем видам кредитов в 2018 г. она ниже (5.1%), чем в 2014 г. (5.9%), но ведь объем кредитов вырос за год на четверть и увеличение знаменателя маскирует проблему. В большинстве регионов просроченная задолженность по всем кредитам в 2018 г. составляла от 3 до 6%, но в Ингушетии – 15%, Карачаево-Черкесии – 10%, Северной Осетии и Бурятии – 8%. В 2014 г. республики Северного Кавказа имели еще более высокую просроченную задолженность по кредитам (Ингушетия – 24%, Карачаево-Черкесия – 14%, Кабардино-Балкария – 11%, Дагестан – 9%).

Заемщики по жилищным (ипотечным) кредитам более надежны, просроченная задолженность в 2018 г. составляла только 1.1%. В 2014 г. она была выше (1.3%) из-за неплатежей по валютной ипотеке после девальвации рубля, но в 2018 г. доля валютных кредитов сократилась до минимума. Риски невозврата жилищных кредитов ниже, но нужно учитывать, что при росте на четверть объема выданных ипотечных кредитов в 2018 г. более 40% из них выдавались с низким первоначальным взносом (менее 20%). Это значит, что риски неплатежей перенесены на будущее.

Просроченная задолженность по жилищным кредитам на конец 2018 г. пока невелика даже в регионах с худшими показателями. В Москве (2.1%) она обусловлена самым большим объемом ипотечного кредитования (11% его объема в РФ). Еще две зоны максимальной просроченной задолженности – почти все республики Северного Кавказа (1.8–2.6%), некоторые сибирские (Алтай, Бурятия – 2.2–3.7%, Тыва – 1.6%) и Красноярский край (1.7%).

Помимо жилищных население брало потребительские кредиты. Их объем больше (57% всех кредитов), а платежная дисциплина намного хуже. Максимальна просроченная задолженность в республиках Северного Кавказа (Ингушетия – 19%, Карачаево-Черкесия – 14%, Северная Осетия и Адыгея – почти 11% на конец 2018 г.). К ним близки Республика Бурятия, Астраханская и Омская области (10–11%). В прошлый кредитный бум 2014 г. уже росли риски невозврата кредитов. Усвоен ли этот опыт? К сожалению, россияне продолжают наступать на те же грабли – доля просроченных потребительских кредитов в 2014 и 2018 гг. одинаковая и она велика (8.1%).

По поведению в финансовой сфере выделяется пять типов регионов (см. рис. 4). На одном конце спектра регионы с высокими доходами

и большей склонностью населения к накоплению (тип *I*). К ним примыкают те, в которых сильна дифференциация жителей по доходу, и высокодоходные группы, занятые в экспортоориентированных отраслях, пытаются сохранить в кризис достигнутые стандарты потребления, что повышает задолженность по кредитам (тип *II*). Противоположная ситуация в республиках с традиционалистской культурой и привычкой хранить сбережения дома. Кредитная система развита слабо, немногочисленные банки ввиду отсутствия гарантий возврата денег предпочитают их неохотно (тип *VII*). В экономически слабых неисламских республиках все наоборот — высокая закредитованность с проблемами возврата из-за низких доходов (тип *VI*). Области и более развитые национальные республики с повышенной долей сельских жителей образуют тип *V* с уровнем сбережений несколько ниже среднего по стране и относительно невысокой закредитованностью. В депрессивных регионах выше уровень потребительских кредитов (тип *IV*). Около четверти субъектов РФ, в том числе многие области Центра, попадают в срединную трудно дифференцируемую группу со средним уровнем доходов и умеренной закредитованностью (тип *III*).

Финансовое поведение характеризуется также задолженностью по оплате жилищно-коммуналь-

ных услуг. В целом по России доля неоплаченных начислений за ЖКУ долго не сокращалась (6–7% в 2006–2014 гг.) и только к 2017–2018 гг. уменьшилась до 4–4.5%, несмотря на падение доходов населения в период последнего кризиса. Выше платежная дисциплина в регионах Центра и Поволжья, а больше всего проблем в республиках Северного Кавказа (рис. 5): в Ингушетии уровень задолженности по ЖКУ в 2018 г. составлял 68%, в Дагестане — 39%.

Анализ кредитного поведения и платежной дисциплины населения российских регионов приводит к неутешительным выводам. Во-первых, активно сберегают только жители федеральных городов, в остальных регионах, даже в подавляющем большинстве крупногородских, сберегающее финансовое поведение развито слабее из-за более низких доходов населения. Во-вторых, кредитное поведение населения в последний бум повторяет риски предыдущего бума, уровень просроченной задолженности по потребительским кредитам столь же высокий. Россияне плохо учатся на собственных ошибках, за исключением Москвы, где основной урок такой: не стоит брать ипотечные кредиты в валюте. В-третьих, население восточных регионов показывает более рискованное кредитное поведение, но в России есть еще более проблемные регионы, где до сих пор доминирует принцип

Рис. 5. Доля неплательщиков за ЖКУ по федеральным округам (отношение оплаченных и начисленных счетов), %.

Источник: данные Росстата.

Таблица 2. Результаты анализа взаимосвязи параметров потребительского и финансового поведения населения регионов России и некоторых социально-демографических показателей в 2010–2017 гг.*

Зависимые переменные (параметры потребительского и финансового потребления населения)	Год	R^2 (доля объясненной дисперсии зависимого признака)	Стандартизированные коэффициенты при независимых переменных**					Доля городского населения	Уровень бедности	Отношение денежных доходов к прожиточному минимуму
			Доля лиц							
			в возрасте 23–70 лет	в возрасте 0–15 лет	старше трудоспо- собного возраста	в трудоспо- собном возрасте				
Неплатежи за ЖКУ	2010	0.311			–0.429			0.218		
	2014	0.309			–0.441		–0.242			
	2017	0.372			–0.498		–0.249			
Доля расходов на приобретение недвижимости	2010	0.231					0.287		0.287	
	2014	0.296				0.261	0.403			
	2017	0.319				0.338	0.387			
Доля оплаты услуг в потребительских расходах	2010	0.563					0.605		0.294	
	2014	0.438					0.489		0.318	
	2017	0.320					0.417		0.242	
Доля расходов на отдых в потребительских расходах***	2010	0.204					0.451			
	2014	0.353	–0.190				0.623			
	2017	0.438	–0.227				–0.278	0.588		0.198
Доля расходов на питание в потребительских расходах	1998–2000	0.367							–0.606	
	2006–2008	0.318							–0.564	
	2015–2017	0.204					–0.451			
Отношение задолженности по кредитам к годовым доходам населения	2014	0.259					0.264	0.589		
	2018	0.280					0.400	0.605		
Отношение объема вкладов к годовым доходам населения	2010	0.595		–0.391			0.494			
	2018	0.620		–0.256			0.635			
Размер вкладов на душу	2010	0.562	0.174				0.525	0.371	0.597	
	2018	0.595					0.602	0.452	0.691	

* В таблицу включены коэффициенты множественной линейной регрессии с уровнем значимости не менее 0.95.

** При анализе использовались независимые показатели, прошедшие проверку на отсутствие мультиколлинеарности.

*** Посещение учреждений культуры, размещение в гостиницах, расходы в учреждениях общепита.

“кому я должен, всем прощаю” и кредитная дисциплина очень низкая. Это республики Северного Кавказа и юга Сибири. Разница только в том, что банки минимизировали кредитование жителей республик Северного Кавказа, столкнувшись с рисками невозврата в начале 2010-х. В-четвертых, похожие различия характерны для неплатежей по ЖКУ, выделяются две проблемные зоны — республики Северного Кавказа и, в меньшей степени, некоторые восточные регионы с высокой стоимостью жилищно-коммунальных услуг.

Влияние факторов на структуру расходов и финансовое поведение населения

В качестве основных факторов были выбраны возрастная структура населения, уровень урбанизации, уровень доходов и бедности. Результаты регрессионного анализа на уровне регионов отчасти предсказуемы, но приходится делать весьма осторожные выводы, поскольку доля объясненной дисперсии выбранных зависимых переменных относительно невелика (табл. 2). Максимальная доля отмечена для банковских вкладов, в наибольшей степени обусловленных доходами населения и доступностью банковской инфраструктуры в крупнейших городах. Уровень задолженности по кредитам зависит, с одной стороны, от бедности регионов, где остро не хватает денег, а с другой — от привлекательности жизни в кредит среди части жителей более развитых регионов, не желающих ухудшать свои стандарты потребления.

По некоторым видам потребительского поведения роль выбранных факторов усиливается, по другим, наоборот, растет неопределенность. В первую очередь это касается доли продуктов питания в потребительских расходах населения: в начале 2000-х годов перед большей частью населения стояла прозаическая задача обеспечения продовольствием, все объяснялось уровнем доходов, позже факторов стало больше, их влияние размывалось. Неплатежи за ЖКУ ранее были более тесно связаны с уровнем бедности, а в последние годы — скорее с пониженным уровнем урбанизации и более молодым населением, характерными для республик Северного Кавказа.

В покупках недвижимости связь с доходами стала менее очевидной, а роль демографического и расселенческого факторов выросла. Это произошло за счет регионов с крупнейшими городскими агломерациями, где в первую очередь приобретается недвижимость, они имеют и более сбалансированную возрастную структуру населения.

При анализе доли услуг в структуре потребительских расходов сильнее ощущаются дефекты

информации о расходах на услуги ЖКУ и транспорт. Они сильно меняются от года к году из-за невысокого качества обследований бюджетов домашних хозяйств. Несмотря на стабильность факторов регрессии в 2010–2017 гг. (покупательная способность доходов и уровень урбанизированности), их объясняющая способность снижается.

Иначе обстоит дело с расходами на услуги отдыха и путешествий — доля их дисперсии, описываемая регрессией, медленно растет. К урбанистическому фактору в последние годы добавилась покупательная способность доходов. Усиливается и демографический фактор, роль молодежи в потреблении развлекательных услуг.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволил выявить тенденции и факторы изменений доходов населения регионов и уровня бедности, структурных сдвигов в потреблении и географических различий финансового поведения.

- Макроэкономическая динамика влияет на доходы населения регионов и уровень бедности, поэтому позитивные сдвиги в регионах в 2010-х годах затормозились, а в условиях кризиса 2014–2017 гг. стали негативными, особенно распределение регионов по уровню бедности.
- Динамика доходов существенно влияет на структуру потребления и слабее — на финансовое поведение населения. В период экономического роста быстрее снижалась доля расходов на питание, а в период последнего кризиса начался ее возвратный рост. В кредитном поведении иные тренды — оно было более активным как в годы роста доходов (2013–2014), так и в годы кризисного спада (2017–2018). Люди не рациональны: затянув пояса в первые два года кризиса, они затем наращивали кредитование, чтобы сохранить привычный уровень потребления, несмотря на снижение доходов.
- Две столичные агломерации с высокими доходами намного опередили остальные регионы по доле средств, используемых на приобретение жилья, в 2010-х годах к ним добавилась Тюменская область. Сдвиг структуры расходов в сторону покупки товаров длительного спроса, включая жилье, еще далек от завершения в большинстве регионов.
- Расходы на услуги обусловлены разными факторами. Значительная часть из них — вынужденная (оплата ЖКУ), региональные различия невелики, за исключением регионов Крайнего Севера. Расходы на воспроиз-

водство человеческого капитала (образование, здоровье) низки и слабо различаются по регионам, за исключением минимальной доли в республиках Северного Кавказа. Население России пока не готово инвестировать собственные средства в развитие. Жители богатых регионов предпочитают тратить средства на отдых и развлечения, но эти траты сжимаются в условиях кризисного спада доходов.

- Приоритет сбережений зависит от уровня доходов населения региона и модернизации поведения (более долгосрочного планирования), он выше в федеральных городах, все остальные регионы сильно отстают, а в республиках Северного Кавказа банковские сбережения минимальны.
- Кредитное поведение населения наиболее проблемно в республиках с низкими доходами и высокой просроченной задолженностью, а также в ресурсодобывающих регионах, где население стремится поддержать достигнутый уровень потребления за счет кредитов. Неплатежи за ЖКУ обусловлены вероятностью наказания: они везде сокращаются и только в республиках Северного Кавказа остаются высокими.
- Базовым фактором сдвигов в структуре потребления и изменения финансового поведения служат доходы населения, но их недостаточно для объяснения региональных различий, необходимо учитывать демографические, расселенческие и институциональные факторы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурдяк А., Гришина Е.* Уровень жизни населения: доходы, зарплата, кредитование в регионах // *Экономическое развитие России*. 2018. Т. 25. № 1. С. 53–57.
2. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // *Бюлл. Росстата за 2017 г.* С. 148.
3. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
4. *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
5. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. География*. 2019. № 2. С. 61–67.
6. *Зубаревич Н., Хасанова Р., Флоринская Ю.* Социальное положение и демографическая ситуация в регионах в первом полугодии 2018 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // *Экономическое развитие России*. 2018. Т. 25. № 9. С. 75–88.
7. *Ибрагимова Д.Х.* Сберегательное поведение россиян в 2009–2013 гг. // *Банковское дело*. 2013. № 12. С. 48–53.
8. *Ибрагимова Д.Х., Кузина О.Е.* Текущие счета и вклады российских домохозяйств: объемы, структура и распределение // *Банковское дело*. 2014. № 12. С. 28–35.
9. *Корнекова С.Ю.* География продовольственного потребления: системный анализ. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 242 с.
10. *Корчагина И.И.* Доходы и потребление населения в региональном измерении // *Пространственная демография и социальная среда*. М.: М-Студио, 2012. С. 196–236.
11. *Кузина О.Е.* Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян // *Деньги и кредит*. 2013. № 11. С. 30–36.
12. *Кузина О.Е., Крупенский Н.А.* Перекредитованность россиян: миф или реальность? // *Вопросы экономики*. 2018. № 11. С. 85–104.
13. *Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А.* Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М.: Изд. дом. “Дело” РАНХиГС, 2019. 52 с. (Научные доклады: социальная политика).
14. Неформальные платежи за медицинскую помощь в России / под ред. С.В. Шишкина. Сер. “Научные доклады: независимый экономический анализ”. № 142. М.: Московский общественный научный фонд, Независимый институт социальной политики, 2003. 160 с.
15. *Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Тер-Акопов С.А., Варданян Е.Г.* Что изменилось в доходах, расходах и потреблении населения? // *Мониторинг доходов, расходов и потребления российских домохозяйств*. М.: НИУ-ВШЭ, 2014. № 2. 42 с.
16. *Овчарова Л.Н., Попова Д.О.* Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // *Мир России*. 2013. № 3. С. 3–34.
17. Предложения к Стратегии содействия сокращению бедности в России: анализ и рекомендации / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: МОТ, 2002. С. 95–110.
18. Региональные особенности уровня и качества жизни / под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН – М-Студио, 2012. С. 302–311.
19. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2015. 277 с.
20. Руденко Д.Ю. Стратегия сокращения бедности в регионе. Тюмень: ОЛМАПРЕСС, 2011. 223 с.
21. Социальные итоги и уроки для экономической политики / под ред. Т.М. Малевой. М.: Изд. дом “Дело” РАНХиГС, 2018. 122 с. (Научные доклады: социальная политика).
22. Текущие тенденции в социальном развитии (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) / А.Я. Бурдяк, А.Г. Полякова, Д.М. Логинов, Т.М. Малева // *Экономическое развитие России*. М., 2017. С. 86–95.
23. *Yemtsov R.* Quo Vadis: Inequality and Poverty Dynamics Across Russian Regions // *Working Paper*. Washington D.C.: The World bank, 2003. P. 348–408.

REFERENCES

1. Burdyak A., Grishina E. The standard of living of the population: incomes, wages, loans in the regions. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, 2018, vol. 25, no. 1, pp. 53–57. (In Russ.).
2. *Dokhody, raskhody i potreblenie domashnikh khozyaistv v 2017 godu* [Incomes, Expenses and Consumption of Households in 2017]. Moscow: Rosstat, 2018. 148 p.
3. Zubarevich N.V. *Sotsial'noe razvitie regionov Rossii: problemy i tendentsii perekhodnogo perioda* [Social Development of Russian Regions: Problems and Transition Trends]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2003. 264 p.
4. Zubarevich N.V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow: Nezavisimyi Inst. Sotsial'noi Politiki, 2010. 160 p.
5. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Share of food expenses in the total expenditures of population in Russian regions as indicator of standard of living and consumption modernization. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2019, no. 2, pp. 61–68. (In Russ.).
6. Zubarevich N., Khasanova R., Florinskaya Yu. The social situation and the demographic situation in the regions in the first half of 2018. *Ekon. Razvitie Rossii*, 2018, vol. 25, no. 9, pp. 75–88. (In Russ.).
7. Ibragimova D.Kh. Savings behaviour of Russians in 2009–2013. *Bankovskoe Delo*, 2013, no. 12, pp. 48–53. (In Russ.).
8. Ibragimova D.Kh., Kuzina O.E. Current accounts and deposits of Russian households: volumes, structure and distribution. *Bankovskoe Delo*, 2014, no. 12, pp. 28–35. (In Russ.).
9. Kornekova S.Yu. *Geografiya prodovol'stvennogo potrebleniya: sistemnyi analiz* [Food Consumption Geography: System Analysis]. St. Petersburg: S.-Peterb. Gos. Ekon. Univ., 2017. 242 p.
10. Korchagina I.I. Incomes and consumption of the population in the regional dimension. In *Prostranstvennaya demografiya i sotsial'naya sreda* [Spatial Demography and Social Environment]. Moscow: M-Studio Publ., 2012, pp. 196–236. (In Russ.).
11. Kuzina O.E. Analysis of the dynamics of using bank loans and the debt burden of Russians. *Den'gi i Kredit*, 2013, no. 11, pp. 30–36.
12. Kuzina O.E., Krupenskiy N.A. Over-indebtedness of Russians: myth or reality? *Vopr. Ekonomiki*, 2018, no. 11, pp. 85–104. (In Russ.).
13. Maleva T.M., Grishina E.E., Tsatsura E.A. *Sotsial'naya politika v dolgosrochnoi perspektive: mnogomernaya bednost' i effektivnaya adresnost'* [Social Policy in the Long Term: Multidimensional Poverty and Effective Targeting]. Moscow: Delo Publ., 2019. 52 p.
14. *Neformal'nye platezhi za meditsinskuyu pomoshch' v Rossii* [Informal Payments for Medical Care in Russia]. Shishkin S.V., Ed. Moscow: Mosk. Obshchestv. Nauchn. Fond, Nezavisimyi Inst. Sotsial'noi Politiki, 2003. 160 p.
15. Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Ter-Akopov S.A., Vardanyan E.G. *Chto izmenilos' v dokhodakh, raskhodakh i potreblenii naseleniya?* [What has Changed in Income, Expenditure and Consumption of the Population?]. Moscow: NIU Vyssh. Shkola Ekonomiki, 2014. 42 p.
16. Ovcharova L.N., Popova D.O. Incomes and expenses of Russian households: What has changed in the mass standard of consumption. *Mir Rossii*, 2013, no. 3, pp. 3–34. (In Russ.).
17. Working Towards a Poverty Eradication Strategy in Russia: Analysis and Recommendations, Ovcharova L.N., Ed. ILO, 2001. 214 p.
18. *Regional'nye osobennosti urovnya i kachestva zhizni* [Regional Features of the Level and Quality of Life]. Rimashevskaya N.M., Ed. Moscow: ISEPN RAN, 2012. 391 p.
19. *Rossiya regionov: v kakom sotsial'nom prostranstve my zhivem?* [Russian Regions: What Social Space do We Live In?]. Moscow: Pomatur Publ., 2015. 277 p.
20. Rudenko D.Yu. Strategiya sokrashcheniya bednosti v regione [Poverty Eradication Strategy in the Region]. Tyumen: OLMARPRESS, 2011. 223 p.
21. *Sotsial'nye itogi i uroki dlya ekonomicheskoi politiki* [Social Outcomes and Lessons for Economic Policy]. Maleva T.M., Ed. Moscow: Delo Publ., 2018. 122 p.
22. Burdyak A.Ya., Polyakova A.G., Loginov D.M., Maleva T.M. Current trends in social development. In *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic Development of Russia]. Moscow, 2017, pp. 86–95. (In Russ.).
23. Yemtsov R. Quo vadis? Inequality and poverty dynamics across Russian regions. In *Spatial Inequality and Development*. Kanbur R., Venables A.J., Eds. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003, pp. 348–408.

People and Money: Incomes, Consumption and Financial Behavior of the Population of the Russian Regions in 2000–2017

N. V. Zubarevich^{1, 2, *} and S. G. Safronov^{1, **}

¹*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

²*National Research University Higher School of Economics, Institute for Social Policy, Moscow, Russia*

*e-mail: nzubarevich@gmail.com

**e-mail: safffff@mail.ru

Received March 24, 2019; revised April 23, 2019; accepted May 30, 2019

Macroeconomic dynamics affects incomes of regions' population and level of poverty: positive shifts in the distribution of regions in relation to these indicators slowed down in the 2010s and were replaced by a negative shift (more apparent in poverty rate) during the crisis of 2014–2017. Income dynamics had a stronger effect on consumption structure and less on population financial behavior. The share of food expenditures is declined in all regions until the 2014 crisis; the most developed regions have the lowest percentage. Structural shift in expenditures in favor of durable goods, including housing, is far from complete in most regions. The increase in the share of expenditures for services is largely due to the growth of tariffs for public utility services. Regional differences are small, with the exception of the Far North regions. The share of spending on human capital reproduction is low and varies slightly between regions. The population of “rich” regions prefers to spend money on recreation and entertainment, but these expenses are shrunken during the last crisis. Individuals' savings behavior is mostly developed in the largest federal cities. Overdue loans are higher in underdeveloped republics and in resource-producing regions, whose population seeks to maintain the level of consumption using loans. The main factor in change structure of consumption and financial behavior is the population incomes, but demographic, settlement and institutional factors must be considered to explain regional differences.

Keywords: money incomes, poverty rate, consumption structure, loans and savings, financial behavior of the population.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201953-17>